

Чжан Пэн вздыхал, а Ли Юй утешал его:

— Взгляни на это с хорошей стороны. Раньше Ван Чжи мог бросить в тюрьму любого, кого вздумается, и нам даже заступиться было негде. Теперь же Его Величество больше не верит слепо его докладам и приказал доставить людей в столицу для разбирательства. Значит, у нас появляется возможность помешать ему.

После упразднения Сичана милость императора к Ван Чжи постепенно угасала. К тому же тот самовольно спровоцировал конфликт на границе и не смог справиться с последствиями, из-за чего варвары совершали один набег за другим. Внимание и расположение Государя к нему заметно охладели. Оба чиновника уже видели первые признаки грядущих перемен при дворе, но затаились и выжидали подходящего момента, чтобы одним ударом сокрушить Ван Чжи и его приспешников.

Весь пятый месяц атмосфера при дворе оставалась предельно напряженной из-за раздоров между гарнизонными военачальниками и евнухами на границе, а также из-за выслеживания обстановки Маленьким принцем. Министерство финансов должно было отправлять зерно на границу, выделять средства на помощь пострадавшим от засухи и саранчи в Датуне и других местах; вдобавок в нескольких районах Хэнани и Бэйчжили освобождали от уплаты налогов. Все чиновники сверху донизу изнемогали от работы в своем ведомстве, закрутившись так, что теряли счет дням.

Цуй Цюэ десяток дней подряд ночевал во внешнем дворе. Госпожа Сюй каждое утро и вечер присылала ему отвары и снадобья, но у него не было времени зайти к ней. Лишь однажды, вернувшись чуть раньше обычного, он призвал к себе обоих сыновей, чтобы наставить их.

Младший сын, Цуй Хэ, еще не начал учиться. Кормилица лишь привела его поклониться и засвидетельствовать почтение. Второй же сын, Цуй Хэн, уже учился, и Цуй Цюэ при каждой встрече спрашивал его по книгам. Обычно он цитировал строку и заставлял сына продолжать, но на этот раз, повинувшись внезапному порыву, вспомнил фразы из «Парных изречений из Четверокнижия» и выпалил:

— Подбери пару к строке: «Восемь семей владеют сотней му для собственных нужд»!

Цуй Хэн, будто его кто под руку подтолкнул, выкрикнул в ответ:

— «Один человек единолично завладел четырьмя красавицами!»

Цуй Цюэ задумчиво повторил про себя этот ответ. Хотя фраза уступала по глубине и изяществу классической строке из Четверокнижия — «В одно утро добыть десятерых птиц», — она тем не менее была составлена довольно стройно. К тому же в словах «один человек единолично завладел четырьмя книгами» прослеживался намек на создание его старшим братом книги «Парные изречения из Четверокнижия», и это демонстрировало братское согласие и уважение в семье. Ответ выходил весьма удачным.

Он слегка улыбнулся и с похвалой произнес:

— Неплохо. Ты тоже читал книгу своего брата? Хоть он и занимается всякими мелочами, но от чтения лишнего вреда не будет...

Цуй Хэн воодушевленно подхватил:

— Отец, вы правда так считаете? Я думал точно так же! А вот матушка запрещает мне читать

книги старшего брата, говорит, что они развращают нравы и порочат честь...

— Мерзавец! — Цуй Цюэ резко вскочил, оттолкнув руку сына, и понизил голос: — Что за чепуха! Твоя мать — благовоспитанная девица из знатного рода, как ей вообще могло прийти такое в голову? Это же оскорбление мудрецов! Если кто прознает, я лишусь своего чина!

— Каких еще мудрецов... — Цуй Хэн растерянно уставился на него и спешно заобъяснял: — Разве книга старшего брата — это не четыре истории о талантливых юношах и красавицах? Где там слова мудрецов? Или отец имеет в виду его новинку — «Шесть гениев критикуют Троецарствие»? Отец, не могли бы вы попросить его прислать пару экземпляров домой? Всюду говорят, что этот комментированный вариант невероятно хорош: там не только герои и красавицы отпечатаны словно картины, но и сами комментарии превосходны!

Его голова была забита лишь Четырьмя красавицами да «Троецарствием». И хотя он слышал, что Цуй Се издал «Парные изречения из Четверокнижия», в тот миг он о них даже не вспомнил.

Глядя на сына, Цуй Цюэ растерял остатки радости, и в нем с новой силой вспыхнул гнев, накопившийся за дни беспрестанной работы. Подавляя злость, он спросил:

— Так ты только что под фразой «один человек единолично завладел четырьмя книгами» имел в виду не...

Цуй Хэн поспешно ответил:

— Ну, в каком-то смысле и о нем. Разве не он нанял художника нарисовать этих Четырех красавиц? Вот и выходит, что он единолично завладел четырьмя красавицами...

— Прочь! — чашка с чаем полетела прямо в него, прервав его жалобы. Кормилица Цуй Хэ, подхватив мальчика на руки, тихонько забила в внутреннюю комнату и сдавленным шепотом успокаивала дитя, не позволяя ему издать ни звука.

Цуй Хэн тоже хотел сбежать, но Цуй Цюэ вскочил, схватил его и жестоко отругал:

— Негодник! Почему ты не берешь с него пример в хорошем?! Как бы он ни глупил, он делает это в глуши, где никто не видит, и при этом умудрился напечатать «Парные изречения из Четверокнижия», привлекая внимание господина Чжана! А ты? Когда ты поступишь в Гоцзыцзянь, ты тоже будешь вести разговоры перед наставником про «четыре красавицы»?!

Вся злость, накопившаяся за дни изнурительного труда, и досада из-за того, что старший сын запутался в связях с Цзиньвэями, выплеснулись на Цуй Хэна. Он ругал его на чем свет стоит.

Цуй Хэн, чувствуя невероятную обиду, обхватив голову, полночи выслушивал нотации. Но даже высказав все, Цуй Цюэ не успокоился. Он запретил сыну выходить из дома и велел госпоже Сюй строго следить за ним, чтобы тот не читал развлекательные книжонки.

Госпожа Сюй жалела сына и сокрушенно произнесла:

— Да в чем же вина Цуй Хэна? Его старший брат напечатал эти книги, откуда младшему было знать, что их нельзя читать? Старая госпожа относится ко мне как к чужой и не разрешает воспитывать старшего, но разве можно оставлять мальчика без присмотра? Супруг мой, подумайте сами: Цуй Хэн живет в столице под строгим присмотром, и то умудрился достать эту грязь со стороны. А Цуй Се один в уезде, печатает подобные книги! Что будет, если у него

мысли свернут не туда?

Цуй Цюэ холодно хмыкнул:

— Ты хорошо за ним следишь? Что же я не видел, чтобы Его Величество хвалил его или господин Чжан обратил на него благосклонный взгляд, пока он жил дома?

Сказав это, он тут же вспомнил, что обе эти заслуги были достигнуты благодаря Цзиньвэям, и ему, как отцу, от этого не досталось ни капли выгоды. Выходило, что, браня госпожу Сюй, он ругает самого себя, и он снова тяжело хмыкнул:

— Этот негодный сын! Если он выйдет на службу, не превратит ли наше добропорядочное чиновное семейство в отделение Цзиньвэев?! Тебе не нужно заботиться о нем. Пусть бесчинствует в деревне сколько душе угодно. Но если он посмеет цепляться за Цзиньвэев ради выслуги, я открою храм предков и вычеркну его из рода!

Госпожа Сюй тут же перестала плакать и устраивать сцены. Для вида выжав еще пару слезинок, она опустила глаза и проговорила:

— Я слышала, будто в его книжной лавке живет эдакая «красавица Цуй». Кто знает, какие отношения связывают ее с Цуй Се? Вдруг он положит на нее глаз и сгубит свое здоровье до женитьбы? Какая девица из приличной семьи согласится выйти за него замуж?

Прожив с ним немало лет, она прекрасно знала, насколько Цуй Цюэ дорожит своим лицом и как не терпит малейшего отступления детей от правил приличия. Она рассчитывала, что после этих слов Цуй Цюэ забудет о проступке Цуй Хэна и переключится на наказание старшего сына. Но на этот раз он лишь насупился и равнодушно произнес:

— Подумаешь, ремесленница. Даже если он возьмет ее в наложницы — экая беда! Позже подберем ему в жены девушку скромного происхождения и смиренного нрава.

Слезы госпожи Сюй так и застыли на ресницах. Глядя, как он, взмахнув рукавами, уходит, она от гнева и досады едва не задохнулась:

— Что за дело! Неужто и душу господина очаровала эта красавица Цуй, раз он сквозь пальцы смотрит на этого малого мерзавца?!

Нянюшки и служанки бросились утешать ее льстивыми речами о том, что господин вовсе не ценит старшего сына, но никто из них не догадывался, какие терзания испытывал в этот момент сам Цуй Цюэ...

Он прекрасно понимал, что его сын не способен изготавливать бумагу или печатать книги, а книжная лавка, доставшаяся в приданое от первой жены, всегда едва сводила концы с концами. То, что там внезапно напечатали цветные иллюстрации, вызвавшие восторг всей столицы, наверняка было заслугой той самой красавицы Цуй.

В предыдущие месяцы время от времени люди расспрашивали его об этой цветной печати. Он и сам хотел вызвать Цуй Се в столицу, расспросить о деталях и даже преподнести технологию цветной печати дворцовым мастерским. Но ему мешало гордое высокомерие: он боялся, что его обвинят в заискивании перед евнухами и попытке выслужиться с помощью сомнительных ухищрений, а потому не предпринимал никаких шагов.

Теперь же господин Чжан поставил Цуй Се в пример как прилежного ученика из бедной

семьи, и тому надлежало смирно сидеть в уезде и готовиться к экзаменам. Если же Цуй Цюэ вызовет сына в столицу и преподнесет вещицу, созданную его наложницей, разве он не навлечет на себя гнев господина Чжана и не испортит великий замысел Государства по наведению порядка в воинском искусстве?

С одной стороны — ремесленная диковина, с другой — государственные дела. Разве мог он не знать, что выбрать? Но мысль о том, что Цуй Се раз за разом привлекает внимание верхов, в то время как он сам, его отец, не получил от этого ни малейшей пользы, жгла его изнутри досадой.

В следующем году предстояла аттестация в Министерстве чинов. Он уже долго засиживался на чине пятого ранга, и если бы ему удалось продвинуться...

Он колебался, стоит ли переступить через гордость и приложить усилия для собственного продвижения, но никак не мог решить, через кого действовать — через господина Чжана или через командующего Ваня, и кого выставлять напоказ: своего одаренного сына или невестку, умеющую печатать цветные рисунки.

Пока он предавался сомнениям, пришло известие о нападении Маленького принца на границу. От Датун до гарнизона Шаньхай повсюду потребовалось усилить оборону, и лица верховных ученых кабинета и сановников высших ведомств стали мрачнее тучи. Теперь, будь его сын вундеркиндом, отпечатавшим «Парные изречения из Четверокнижия», или возьми он в наложницы искусно печатавшую цветные картинки девицу, упоминать об этом в такое время никто не смел.

Даже уезд Цяньань, укрывшийся за оборонительной линией Юнпинской управы, ощутил это напряжение. На плацу и конном поле семьи Ван появлялось все больше воинов, а старший молодой господин Ван стал вставать спозаранку для тренировок. Цуй Се уже стеснялся приходить туда кататься на лошадях и под предлогом необходимости писать сочинения для префекта Ваня объявил, что у него прибавилось занятий и он больше не сможет приезжать на верховую езду.

<http://bllate.org/book/18372/1761299>